

РОЖДЕННЫЕ РЕВОЛЮЦИЕЙ

Утро нового дня было утром новой жизни. По берегу Соломбалки, протекающей в районе Архангельска, в ожидании расквартирования расположилось воинское подразделение красногвардейцев. Горели костры, кипели котелки, пахло печеной картошкой и махоркой.

Мы робко выглядывали из своих дворов. Вот они какие, герои революции! Заросшие, прокопченные дымом костров и гарью войны, скуластые, с руками и лицами, давно не выданными мыла, в шинелях, пропитанных потом, дождями и кровью... Все они казались старше своих лет.

Когда манят пальцем, надо подходить. И я подошел к бордатою солдату.

— На, бери, ешь, — протянул он репу.

— Не... не надо... не хочу, — ответил я.

— Хочешь... Меня зовут дядя Никола. Ешь! Тебя как звать-то?

— Витя.

— Ну, ешь, Витя, шкет червячий! А, может, ты буржуй?

— Не... я ученик.

Через секунду я уже качался на его колене, а он, обняв меня, кормил репой, такой вкусной и сочной, какой я, казалось, никогда и не ел.

— Погоди, Витёк, вот скоро картошка испечется... Только соли у меня нет.

— Я сбегая домой, принесу.

Вечером отмытый, побритый отцовской безопасной бритвой, Николай Жидачевский сидел за семейным столом, под керосиновой лампой, пил морковный чай со свеклой вместо сахара, хрустел сухарями, добывая матерью из каких-то неведомых запасов, и рассказывал о своих многотрудных ратных делах, наставлениях и людях, с коими свела его революция, ставшая

его судьбой. Потом достал из вещевого мешка затертую, помятую тетрадь и, сказав: «Не больно строго судите», стал читать свои стихи на родном украинском языке...

В эту ночь из спаленки матери долго была видна полоска от керосиновой ночника... Думала старенькая о своих двух сыновьях, вырванных из жизни войной... Сон проходил мимо ее постели.

Искусство обладает изумительным свойством возвращать историю, время, события, людей, ставших легендарными. Революция вошла в искусство с первых дней и захватила его целиком. А как же могло быть иначе? Родился новый социальско-общественный строй!

В театр пришли новый герой и новый зритель, и между ними возникли новые связи и отношения. В облике этого героя революционный народ увидел знакомые черты, в делах его — свои дела.

За сорок лет работы в театре мне посчастливилось не раз и не два прожить жизнь героев революции, гражданской войны, войны с фашизмом, жизнь людей труда и науки.

Детские впечатления, рассказанные выше, помогли переплотиться в образ солдата-крестьянина Ивана Шадрина, героя пьесы Н. Погодина «Человек с ружьем». В этом человеке, как в зеркале, отражена борьба личного, крестьянского, середняцкого с хлынувшими в сознание идеями революции.

Иван Шадрин, конечно, собирательный образ, фигура типическая. В этом «человеке с ружьем» — судьба огромного количества крестьян, пришедших в революцию. А прообразом для меня был Николай Жидачевский — солдат революции, крестьянин, поэт. Небольшой перочинный нож да махорочный кисет, оставлен-

ные им случайно, напоминали мне об этой романтической и мятельной душе...

Потом — встреча с Горьким... Он мечтал о человеке — создателе и творце новой жизни, достойной человека. В 1902 году появилась первая его пьеса с резким, обличающим названием, которое само по себе определяло идею, — «Мещане».

Когда я впервые познакомился с ролью Нила, машиниста железной дороги, смело говорящего «права не дают, права берут» или «хозяин тот, кто трудится», я совсем не увидел в нем героя. Я увидел человека, страстно любящего жизнь и нашедшего смысл этой жизни в борьбе. Ясность, спокойствие, чувство собственного достоинства.

Удивительный человек этот Нил! Вспомните: «Нет, Петруха, нет! Жить, — даже не будучи влюбленным — славное занятие! Ездить на скверных паровозах осенними ночами, под дождем и ветром... или зимою... в метель, когда вокруг тебя — нет пространства, все на земле закрыто тьмой, завалено снегом — утомительно ездить в такую пору, трудно... опасно, если хочешь! — и все же в этом есть своя прелесть! Все-таки есть!»

Нил видит мещанство, глупость, воровство в окружающей его жизни. Это его возмущает. Но живет в нем радостная вера в лучшее: «Ничего! Наша возьмет! И я на все средства души моей удовлетворю мое желание вмешаться в самую гущу жизни... месить ее и так и эдак... тому поменьше, этому — помочь — вот в чем радость жизни!»

При работе над образом Павла Власова хотелось выяснить, что же общего у Павла с Нилом и что их разделяет? Стало ясно: Нил — это интуитивное чувство необходимости борьбы. Павел же Власов —

осознанно выстроенная программа, где видна четкая и ясная политическая платформа.

Он говорит судьям: «Мы — социалисты. Это значит, что мы враги частной собственности, которая разъединяет людей, вооружает их друг против друга, создает непримиримую вражду интересов... Мы стоим против общества, интересы которого вам приказано защищать, как непримиримые враги его и ваши.. Победим мы!... Вы оторвали человека от жизни и разрушили его; социализм соединяет разрушенный вами мир во единое великое целое и это — будет!»

Вот и Алексей из «Оптимистической трагедии» Вишневецкого, а потом Годун из «Разлома» Лавренева, два мордка, пришедшие разными и трудными путями в революцию, встали рядом в одну шеренгу с Шадриним, Нилом и Павлом Власовым.

Рождение сценического образа — процесс многотрудный, требующий напряжения всех сил художника. Ведь актер при этом является одновременно и творцом, и материалом. В этой двойственности специфика профессии. В самом деле, чтобы «уйти от себя», надо преодолеть себя и захватить жизнью образа, а это не всегда легко, вернее, всегда нелегко.

Когда в распределении ролей я увидел свою фамилию рядом с ролью С. М. Кирова в спектакле «Крепость на Волге» И. Кремлева, я был полон тревоги и неуверенности. Мои личные человеческие качества казались непреодолимыми. Конкретность образа С. М. Кирова, его огромное место в истории, его популярность вожака революции, его воля, масштаб человеческого обаяния и интеллекта, любовь народная к нему — все это недостижимые вершины, на кото-

рые нужно было подняться, свладеть ими и убедить зрителя, который придет на встречу со своим любимым вожаком. Потребовалось на первых порах накопление материала — суммы определенных знаний, мыслей, ощущений и чувств.

Что главное, за что борется С. М. Киров? Я определил для себя: за счастье будущих поколений, за счастье народа преобразованной России. За это стоит пожертвовать всем, не пада себе. Не спать ночами. Кратать врагов революции. Черты жизнелюба, мечтателя и борца мне казались тем началом, которое роднит С. М. Кирова с Ильичем.

Прекрасные образы борцов за светлое будущее всегда были любимы нашим народом. Приходят новые поколения, но искусство вечно сохраняет незабываемые, волнующие произведения о революции, образы борцов, воспринимаемые, как пример для подражания.

Воплощение таких образов должно стать центральной идейно-творческой магистралью деятельности любого театра, в том числе и нашего, Горьковского, в дни подготовки к ленинскому юбилею.

Наш герой приходит на сцену из гущи жизни, наполненной и озаренный светом таланта художника-актера, идет обратно в жизнь, чтобы там рождать подобных себе. И чем совершеннее, содержательнее, многограннее в своей сложности наш герой, тем в большей массе зрителей он воплотит себя. В этом партийный, гуманистический смысл нашего искусства. Ради этого стоит работать, жить и творить!

В. КУЗНЕЦОВ,
народный артист РСФСР,
лауреат Государственной
премии СССР.

ГОРЬКОВСКИЙ РЕВОЛЮЦИОНЕР
г. ГОРЬКОВО

№ 6 НОЯБРЬ 1969